

Всё предельно

Автор:

Стивен Кинг

Всё предельно

Стивен Кинг

«Сейчас у меня хорошая работа, так что хмуриться нет причин. Не нужно общаться с тупицами в «Супр Сэвре», не нужно вывозить тележки для продуктов на площадку на автостоянке, не нужно думать, как отвязаться от таких говнюков, как Шкипер. Шкипер уже давно гниет в земле, но за девятнадцать лет, проведенных на планете Земля, я крепко-накрепко уяснил для себя: расслабляться нельзя, Шкиперов везде пруд пруди...»

Стивен Кинг

Все предельно

Однажды ни с того ни с сего перед моим мысленным взором возник образ молодого человека, ссыпающего мелочь в щели канализационной решетки рядом с небольшим аккуратным домиком, где он жил. И больше ничего, но образ этот был таким четким и странным, что мне пришлось написать рассказ об этом молодом человеке. Писался он легко, без единой запинки, подтверждая мою теорию, что рассказы – артефакты: они не создаются нами (то есть мы не можем ставить их себе в заслугу), мы лишь откапываем, что создано ранее.

Сейчас у меня хорошая работа, так что хмуриться нет причин. Не нужно общаться с тупицами в «Супр Сэвре», не нужно вывозить тележки для продуктов на площадку на автостоянке, не нужно думать, как отвязаться от таких говнюков, как Шкипер. Шкипер уже давно гниет в земле, но за девятнадцать лет, проведенных на планете Земля, я крепко-накрепко уяснил для себя: расслабляться нельзя, Шкиперов везде пруд пруди.

Кроме того, не нужно развозить пиццу дождливыми вечерами, ездить на старом «форде» с пробитым глушителем, замерзать с открытым окошком, под маленьким флагом Италии, трепещущимся на проволоке. Как будто в Харкервиле кто-то будет салютовать ему. «Пицца из Рима». Четвертаки – чаевые от людей, которые даже не видят тебя, потому что всеми мыслями в футбольном матче, демонстрируемом по TV. А противнее всего, я думаю, были обратные поездки в «Пиццу из Рима». С тех пор я уже успел полетать на частном самолете. Так стоит ли мне жаловаться на жизнь?

«Вот что получается, если уходишь из школы, не получив свидетельства о среднем образовании, – сказала бы по этому поводу мать, если бы я ей пожаловался. – Ты будешь сожалеть об этом до конца своих дней». Милая, добрая мамочка. Доставала и доставала меня, пока я действительно не решил отослать ей одно из этих особых писем. Как ни крути, раньше я был в полном дерьме. Знаете, что сказал мне мистер Шарптон в тот вечер, когда мы сидели в его автомобиле? «Это не просто работа, Динк, это настоящие приключения». И сказал чистую правду. В чем-то другом, возможно, слукавил, но в этом – нет.

Полагаю, вас интересует, какое жалованье положили мне на этой удивительной работе. Что ж, должен признаться, денег платят мало. Сущую ерунду. Но на этой работе главное – не жалованье и не карьерный рост. Так мне сразу и сказал мистер Шарптон. Объяснил, что на настоящей работе главное – дополнительные льготы. Именно они все и определяют.

Мистер Шарптон. Я видел его только раз, за рулем большого старого «мерседес-бенца», но иногда и одного раза достаточно.

Толкуйте мои слова, как хотите. Ваше право.

У меня есть дом, понимаете? Мой собственный дом. Это дополнительная льгота номер один. Я иногда звоню матери, спрашиваю, как ее больная нога, треплюсь ни о чем, но ни разу не приглашал ее сюда, хотя Харкервиль всего в семидесяти милях, и я знаю, что ее распирает от любопытства. Теперь я могу не общаться с ней, если у меня нет желания. А обычно его нет. Если б вы знали мою мамашу, тоже не захотели бы с ней свидеться. Невелико удовольствие сидеть в гостиной и слушать, как она рассказывает о бесчисленных родственниках и жалуется на распухшую ногу. И я даже не замечал, как сильно провонял наш дом кошачьим дерьмом, пока не съехал оттуда. Домашних животных я заводить не собираюсь. Они садятся на голову хозяевам.

Большую часть времени я провожу дома. Спальня только одна, но дом все равно прекрасный. Предельный, как говорил Паг. Единственный парень, который приглянулся мне в «Супр Сэвре». Если Пагу что-то действительно нравилось, он никогда не говорил «классно», как большинство людей, он говорил: «Это предельно». Старина Пагмайстер. Иногда я задаюсь вопросом, как у него идут дела. Думаю, нормально. Но я не могу позвонить ему и выяснить. Я могу позвонить матери, у меня есть номер, по которому надо звонить в случае крайней необходимости, если что-то не так или мне покажется, что кто-то сует нос не в свои дела, но прежним друзьям мне звонить не разрешено (как будто кому-то, кроме Пага, любопытно, как поживает Динки Эрншоу). Правило мистера Шарптона.

Но хватит об этом. Вернемся в мой дом Коламбия-Сити. Сколько среди ваших знакомых девятнадцатилетних недоучек, имеющих собственный дом? Плюс новый автомобиль? Пусть это всего лишь «хонда», но три первые цифры на спидометре – нули, и это важно. Под приборным щитком CD-плейер, и я, садясь за руль, не думаю, заведется эта чертова колымага или нет, как было с «фордом», который всегда высмеивал Шкипер. Говномобиль, называл он его. Почему в мире так много Шкиперов? Этот вопрос очень занимает меня.

Деньги у меня, между прочим, есть. Больше, чем мне нужно. Судите сами. За ленчем я ежедневно смотрю программу «Пока вертится мир», и каждый четверг примерно на середине передачи слышу, как хлопает крышка щели для почтовой корреспонденции. Я не поднимаюсь с места – сижу, как сидел. Помню слова мистера Шарптона: «Таковы правила, Динк».

Просто досматриваю передачу. В мыльных операх все самое интересное случается поближе к выходным: убивают по пятницам, трахаются по понедельникам, но я все равно смотрю этот сериал изо дня в день. По четвергам точно не выхожу из гостиной, даже на кухню за стаканом молока. Когда «Мир» заканчивается, я на какое-то время выключаю телевизор: на экране появляется Опра Уинфри, а я ненавижу ее шоу, эту бесконечную болтовню ни о чем и не пойми о ком, и иду в прихожую.

На полу аккурат под щелью для почтовой корреспонденции всегда лежит простой белый конверт, запечатанный. На нем ничего не написано. А внутри – четырнадцать купюр по пять долларов или семь – по десять. Это мои деньги на неделю. И вот как я их трачу. Два раза хожу в кино, во второй половине дня, когда билет стоит четыре с половиной доллара. По субботам заправляю «хонду» бензином, где-то на семь долларов. Много я не езжу. Не помешан на этом, как сказал бы Паг. Это будет шестнадцать долларов. Четыре раза ем в «Микки Ди» – или завтракаю (яйцо «Макмаффин», кофе, два шоколадных кекса), или обедаю (бифштекс «Четверть фунта» с сыром, никаких «Макспешл», непонятно, как можно есть эти дерьмовые сэндвичи). Раз в неделю надеваю чинос[1 - Чинос – брюки особого покроя, пользуются популярностью у молодежи.], белую рубашку и иду посмотреть, как живет другая, богатая половина человечества: ем в приличном ресторане, вроде «Адамс рибс» или «Чак Уэгон». Все это мне обходится в двадцать пять долларов, то есть сорок один доллар уже потрачен. Еще я могу заглянуть в «Ньюс плюс» и купить пару журналов-дрочиловок, никаких извращений, обычные «Вариэйшнз» или «Пентхауз». Я пытался получить эти журналы через «ДОСКУ ЗАКАЗОВ ДИНКИ», но безуспешно. Я могу покупать их сам, и они не исчезают в день уборки, но их и не приносят в дом, если вы понимаете, к чему я клоню, как все остальное. Как я понимаю, уборщики мистера Шарптона не хотят иметь дело ни с чем эротическим (ханжи!). Опять же я не могу заказать секс-издания через Интернет. Пробовал, но мои заказы каким-то образом блокируются. Обычно блок можно обойти, кружным путем, если не можешь пройти напрямую, но тут ничего не выходит.

Для полноты картины добавлю, что со своего телефона я не могу позвонить по номерам, начинающимся с 900. Автонабор, разумеется, работает, и если мне хочется позвонить какому-нибудь незнакомцу, где бы он ни жил, поболтать с ним, это пожалуйста. Могу позвонить и поговорить. Но только если номер начинается не с 900. Ты должен заниматься делом. Наверное, это правильно. По собственному опыту знаю, чем больше думаешь о сексе, тем только хуже. Так что этот сексуальный треп – просто беда. А кроме того, секс – не самое главное в жизни, во всяком случае, для меня. Секс – это хорошо, но не предельно. Однако,

учитывая, чем я занимаюсь, подобное ханжество представляется странным. Даже забавным... да только я, похоже, потерял чувство юмора во всем, что связано с сексом. И кое с чем еще.

Ладно, вернемся к бюджету.

Если я покупаю журнал «Вариэйшнз» (он стоит четыре бакса), то в сумме получается сорок пять. На оставшиеся деньги покупаю CD, хотя такой необходимости нет, один или два шоколадных батончика (знаю, что нельзя, потому что кожа у меня оставляет желать лучшего, хотя я уже не подросток). Иногда хочется заказать на дом пиццу или китайский обед, но правила «ТрэнКорп» этого не разрешают. Опять же мне как-то не с руки все это заказывать, я же не представитель класса угнетателей. Я сам развозил пиццу, помните? Знаю, какая это мерзкая работа. Однако если бы я мог заказать пиццу, парень, который ее привез, не покинул бы дом с четвертаком. Я бы дал ему пятерку, чтобы увидеть, как радостно вспыхнут его глаза.

Вы уже начали смекать, почему мне не нужны карманные деньги, да? Когда наступает очередной четверг, у меня обычно остается восемь долларов, а часто чуть ли не двенадцать. Монетки я бросаю в щели канализационной решетки у моего дома. Я понимаю, что мои соседи, если б они это увидели, тронулись умом (я, конечно, ушел из школы, не окончив ее, но не потому, что глуп, будьте уверены), поэтому я выношу из дома синее пластиковое ведро (пластик допускает переработку) с газетами (а иногда торчащим среди них номером «Пентхауза» или «Вариэйшнз», долго я дома это дерьмо не держу) и, пока ставлю ведро на бордюрный камень, раскрываю кулак, в котором зажаты монеты. Они сыплются через щель решетки в ливневую канаву. Дзинь-дзинь-дзинь. Фокус-покус. Вот они есть, а вот их уже и нету. В один прекрасный день монеты перегородят канаву, соответствующий департамент муниципалитета пошлет кого-нибудь прочистить ее, и этот парень подумает, что выиграл в лотерею, если, конечно, не случится страшный ливень, который унесет все монеты на станцию очистки сточных вод. Но к тому времени я уже уеду. Не собираюсь я до конца своих дней жить в Коламбия-Сити, точно говорю. Уеду, и скоро. Так или иначе.

С бумажными деньгами проще. Я просто бросаю их в мусорорубочную машину на кухне. Еще один фокус, гопля – и деньги превращаются в лапшу. Вы, наверное, думаете, что это странно, выбрасывать деньги. Я тоже так думал, поначалу. Но к этому привыкаешь, как к любому повторяющемуся занятию, да и потом ведь

каждую неделю через щель для почтовой корреспонденции на пол падают очередные семьдесят баксов. Правило простое: ничего не откладывать. К следующему четвергу не должно остаться ни цента. Кроме того, я же говорю не о миллионах, только о восьми или двенадцати долларах в неделю. Одним словом, мелочовке.

3

«ДОСКА ЗАКАЗОВ ДИНКИ». Еще одна дополнительная льгота. Я записываю все, что мне может понадобиться на неделю, и получаю заказанное (за исключением эротических журналов, как я уже говорил). Может, когда-нибудь мне это и надоест, но пока у меня такое ощущение, будто Санта Клаус приходит ко мне круглый год. В основном я записываю продукты, как другие на грифельной доске в кухне, но не только.

Я могу заказать, к примеру, «Новый видеофильм с Брюсом Уиллисом» или «Новый CD „Уизер“»[2 - «Уизер» – современная популярная рок-группа. Выступает с 1992 г.], раз уж об этом зашла речь. Как-то в пятницу после кино я зашел в «Тунс Кспресс» (я всегда хожу в кино по пятницам, во второй половине дня, даже если фильм не особо интересный, потому что в это время приходят уборщики), чтобы убить время: шел дождь и не хотелось месить грязь в парке. Пока разглядывал новые поступления, один подросток спросил продавца насчет нового диска «Уизер». Продавец ответил, что его привезут дней через десять, а то и позже, но у меня он лежал в следующую пятницу.

Вот я и говорю, дополнительные льготы.

Если я пишу на «ДОСКЕ» «спортивная рубашка», сие означает, что по возвращении домой в пятницу вечером меня она будет ждать, всегда в приятных моему глазу серых тонах. Если я пишу «чинос» – получаю брюки. Все вещи из «Гэпа»[3 - «Гэп» – сеть магазинов, продающих модную молодежную одежду.], куда я сам пошел бы за покупками, если бы мне все не приносили. Если я хочу какой-то определенный лосьон после бритья или одеколон, пишу название на «ДОСКЕ ЗАКАЗОВ ДИНКИ», и он стоит на полочке в ванной, когда я заглядываю туда. Я не хожу на свидания, но жить не могу без одеколонов. Ничего не поделаешь.

Сейчас, готов спорить, вы посмеетесь. Однажды я написал на «ДОСКЕ»: «Картина Рембрандта». Провел вторую половину дня сначала в кино, потом в парке, наблюдая, как парочки обнимаются и целуются, а собаки гоняются за «фрисби», думая, как предельно это будет, если уборщики действительно принесут мне картину Рембрандта. Представляете, подлинник старого мастера на стене дома в районе Сансет-Кнолл города Коламбия-Сити. Как же предельно, а?

Когда пришел домой, мой Рембрандт висел на стене, над диваном, где раньше были бархатные клоуны. Мое сердце билось с частотой в двести ударов в минуту, когда я пересекал комнату. Только подойдя ближе, я понял, что это копия... вы понимаете, репродукция. Я, конечно, разочаровался, но не сильно. Все равно это был Рембрандт, пусть и не подлинник.

В другой раз я написал «Фотография Николь Кидман с автографом». Я думаю, она – самая красивая актриса из ныне здравствующих, я просто тащусь от нее, так она меня возбуждает. И когда пришел домой, ее фотография украшала дверцу холодильника, прижатая двумя магнитами. На ней было одно из платьев, в которых она снималась в «Мулен Руж». И на этот раз я получил подлинник. Я это знаю, потому что внизу тянулась надпись: «Динки Эрншоу с любовью и поцелуями от Николь».

Вот такие дела. Круто.

И вот что я хочу тебе сказать, приятель: если бы я работал на совесть и действительно этого захотел, на стене моей гостиной мог появиться подлинник Рембрандта. На такой работе путь только один – от малого к большому. Но именно это и пугает больше всего.

4

Теперь мне не приходится писать перечень продуктов. Уборщики и так знают, что я люблю: замороженные обеды «Стоуффер»[4 - «Стоуффер» – быстрозамороженные полуфабрикаты, изготавливаемые отделением «Стоуффер фудс» одноименной компании.], особенно кусочки мяса в сметанном соусе,

которые опускают в кипящую воду в специальном мешочке (мать называла это блюдо говном на палочке), замороженную клубнику, жирное молоко, котлеты-гамбургеры, которые надо только положить на горячую сковородку (я терпеть не могу возиться со свежим мясом), пудинги «Доул»[5 - «Доул» – продукты питания, произведенные компанией «Доул фудс»] в пластиковых стаканчиках (вредны для кожи, но я их люблю). Это если речь идет о повседневной еде. А вот когда мне хочется что-то особенное, я прибегаю к помощи «ДОСКИ ЗАКАЗОВ ДИНКИ».

Однажды я попросил домашний яблочный пирог, подчеркнув – не из супермаркета, и когда к вечеру, уже начало темнеть, вернулся домой, мой пирог стоял в холодильнике, вместе с остальными продуктами. Только не упакованный, просто лежал на тарелке с синей каемкой. По отсутствию упаковки я понял, что пирог действительно домашний. Не сразу решился попробовать его, откуда мне знать, где и кто его выпекал, но понял, что веду себя глупо. Мы же не знаем, откуда еда доставляется в супермаркет, не так ли? То есть мы считаем, что она качественная, потому что упакована или в банке, или сопровождается надписью «герметизирована ради вашей защиты», но кто-то мог хвататься за нее грязными пальцами до того, как ее герметизировали, чихать на нее, даже подтирать ею задницу. Я не хочу вас пугать, но ведь это правда. В мире полно странных людей, и многие из них «не способны на что-то хорошее». Я лично с такими сталкивался, можете мне поверить.

В общем, пирог я попробовал, и до чего же он оказался вкусным! Я съел половину в пятницу вечером, а вторую – в субботу утром. Субботний вечер практически полностью просидел в сортире, освобождал кишки от всех этих яблок, но не жаловался. Пирог того стоил. «Как пекла мама», – обычно говорят про такой, но только к моей матери это не относится. Моя мать не смогла бы поджарить и «спэм»[6 - «Спэм» – мясная тушенка.].

5

Мне никогда не приходилось заказывать нижнее белье. Каждые пять недель все, что лежало в бельевых ящиках, исчезало, зато появлялись новенькие трусы-плавки «Хейнс», носки в пластиковых мешочках. Герметизированные для моей защиты, ха-ха. Туалетная бумага, стиральный порошок, мыло, шампунь – ничего

этого я не заказываю. Все появляется и так.

Очень предельно, или вы так не думаете?

6

Я никогда не видел уборщиков, как и не видел парня, хотя, может, это и девица, приносящих мне семьдесят баксов по четвергам, когда я смотрю «Пока вертится мир». И у меня нет желания увидеть их. Во-первых, мне это не нужно. Во-вторых, честно признаюсь, я их боюсь. Точно так же, как боялся мистера Шарптона в его большом сером «мерседесе» в тот вечер, когда встретился с ним. Боюсь, и все тут.

По пятницам ленч я дома не ем. Досматриваю «Пока вертится мир», сажусь в машину и еду в город. Съедаю «Четверть фунта» в «Микки Ди», иду в кино, потом в парк, если погода хорошая. Там хорошо думается, а в последнее время мне есть о чем подумать.

Если погода плохая, иду в торговый центр. Теперь, когда дни стали короче, у меня возникают мысли, а не заняться ли вновь боулингом. Чтобы хоть как-то скоротать вторую половину пятницы. Раньше мы частенько ходили в боулинг-центр с Пагом.

Мне недостает Пага. Хотелось бы мне позвонить ему, поболтать, кое-чего рассказать. К примеру, об этом парне, Неффе.

Короче, плюнуть в океан и посмотреть, что из этого выйдет.

Пока меня нет, уборщики прибирают весь дом, от стены до стены, от пола до потолка. Моют посуду (хотя с этим я сам справляюсь неплохо), моют полы, стирают грязную одежду, меняют белье, вешают чистые полотенца, загружают холодильник, выполняют заказы с «ДОСКИ». Вроде как живешь в отеле, где самая эффективная в мире (даже предельная) система обслуживания.

Единственное место, куда они особо не заглядывают, – кабинет, примыкающий к столовой. В кабинете темно, окно затянуто шторами, и они никогда их не распахивают, как в других комнатах. Не пахнет в кабинете и «Лемон пледж»[7 - «Лемон пледж» – средство для ухода за мебелью.], хотя вечером по пятницам остальные комнаты им так и благоухают. Иногда до такой степени, что я начинаю чихать. Это не аллергия, скорее нос выражает свой протест.

Уборщики пылесосят полы, освобождают корзинки для мусора, но не прикасаются к бумажкам на столе, даже если они навалены кучей и смяты. Однажды я заклеил ящик тоненькой полоской скотча. Когда вернулся в пятницу вечером, полоска была на месте. Я не держу в ящике секретных материалов, вы понимаете, просто мне хотелось знать.

Опять же, если, уходя, я оставляю компьютер и модем включенными, ничего не меняется и к моему возвращению. Экран, конечно, темный, работает программа сохранения электроэнергии и повышения долговечности монитора, но компьютер готов к работе. Если, уходя, я все выключаю, к моему приходу все остается выключенным. В кабинете Динки они стараются ничего не трогать.

Может, и уборщики побаиваются меня, а?

7

Телефонный звонок, который изменил мою жизнь, раздался аккурат в тот момент, когда я думал, что мамаша и работа в «Пицце из Рима» на пару точно сведут меня с ума. Звонок пришелся на мой выходной день. Мать ушла с подружками в клуб поиграть в бинго, все они дымили, как паровоз, и, без сомнения, смеялись, когда ведущий, доставая номер Б-12, говорил: «А теперь, дорогие дамы, самое время принять витамины». Я смотрел по TNT фильм с Клинтоном Иствудом и мечтал перенестись в какое-нибудь другое место. Даже в Саскачеван.

Итак, зазвонил телефон, и я подумал, это Паг, кто, кроме него, поэтому, сняв трубку, сказал сладеньким голосом:

– Вы позвонили в церковь Всего предельного, харкервильское отделение, преподобный Динк внимательно вас слушает.

– Привет, мистер Эрншоу, – отвечает мне мужской голос. Я его никогда не слышал, но человек этот нисколько не рассердился и не удивился моей болтовне. Так что я, думаю, растерялся за нас обоих. Вы такого не замечали? Если сразу с первого слова пытаешься отчебучить что-нибудь по телефону, так на другом конце провода обязательно окажется не тот человек, чьего звонка ты ждешь. Как-то я слышал о девушке, которая сняла трубку и выпалила: «Привет, Элен, я так хочу, чтобы ты меня оттрахала». Она-то не сомневалась, что звонит подружка, а позвонил ее отец. Возможно, это выдумка, как байка, что в сточных водах Нью-Йорка живут крокодилы (или письма в «Пентхауз»), но вы понимаете, о чем я.

– Ой, извините. – Я так смутился, что даже не задался вопросом, откуда обладатель голоса знает, что преподобный Динк также и мистер Эрншоу, а полное его имя Ричард Эллери Эрншоу. – Я подумал, что звонит кто-то еще.

– Я и есть кто-то еще, – ответил голос, и хотя тогда я не рассмеялся, потом без этого не обошлось. Мистер Шарптон – точно кто-то еще. Серьезно, предельно кто-то еще.

– Чем я могу вам помочь? – спросил я. – Если вы хотите поговорить с моей матерью, я могу только передать ей, что вы звонили, потому что она...

– ...играет в бинго, я знаю. В любом случае мне нужны вы, мистер Эрншоу. Я хочу предложить вам работу.

От удивления я на какое-то время лишился дара речи. А потом до меня дошло – это же телефонный розыгрыш.

– У меня есть работа, – говорю я. – Извините.

– Развозить пиццу? – В голосе слышался смех. – Да, конечно. Если только это можно назвать работой.

– Кто вы, мистер? – спрашиваю я.

– Моя фамилия – Шарптон. А теперь позвольте мне сразу перейти к делу, мистер Эрншоу. Динк? Могу я называть вас Динк?

– Конечно. Могу я называть вас Шарпи?

– Называйте как хотите, главное, выслушайте.

– Я слушаю. – И я действительно слушал. Почему нет? По телевизору показывали «Обман Кугана», не самый лучший фильм Клинта.

– Я хочу предложить вам самую лучшую работу, которую вы когда-либо можете получить. Это не просто работа, Динк, это приключения.

– Ага, где-то я такое уже слышал. – У меня на коленях стояла миска с попкорном, и я засунул пригоршню в рот. Разговор начал меня забавлять.

– Другие обещают – я выполняю. Но этот разговор мы должны продолжить лицом к лицу. Сможете со мной встретиться?

– Вы – гей? – спросил я.

– Нет. – В голосе вновь слышались насмешливые нотки. Едва-едва заметные. Но я-то их почувствовал, потому что показал себя полным кретином, начав разговор первым. – Моя сексуальная ориентация здесь совершенно ни при чем.

– Тогда чего вам надо? Среди моих знакомых нет человека, который мог бы позвонить мне в половине десятого и предложить работу.

– Сделайте мне одолжение. Положите трубку и пройдите в прихожую.

Бред какой-то. Но что мне было терять? Я прошелся и увидел на полу белый конверт. Кто-то бросил его в щель для почтовой корреспонденции, пока я смотрел, как Клинт Иствуд преследует Дона Страуда в Центральном парке. Первый конверт из многих, хотя, конечно, тогда я этого не знал. Вскрыл – и мне в ладонь выпали семь десятков. Плюс записка.

«Это может быть началом великой карьеры».

Я вернулся в гостиную, не отрывая взгляда от денег. Представляете себе, в каком я был состоянии? Чуть не сел на миску с попкорном. Заметил в последний момент, отодвинул в сторону и плюхнулся на диван. Поднял трубку, ожидая, что Шарптон уже отбыл по своим делам, но стоило мне сказать: «Эй?» – он сразу откликнулся.

– И что все это значит? – спросил я. – Почему вы мне прислали эти семьдесят баксов? Я их оставлю, но не буду считать себя чем-то вам обязанным. Я ничего у вас не просил.

– Деньги ваши, – отвечает Шарптон, – и никто не спросит, откуда они у вас взялись. Но я открою вам один секрет, Динк: на этой работе деньги особого значения не имеют. Главное – дополнительные льготы. Они дают гораздо больше.

– Если вы так говорите...

– Абсолютно. И я прошу лишь одного: встретиться со мной и услышать чуть больше. Я предложу вам такое, что изменит всю вашу жизнь. Фактически откроет дверь в новую жизнь. Выслушав мое предложение, вы сможете задать любые вопросы. Хочу сразу предупредить: возможно, не все ответы вам понравятся.

– А если я откажусь от вашей работы?

– Я пожму вам руку, хлопну по плечу и пожелаю удачи.

– И где вы хотите со мной встретиться? – Большая моя часть, практически весь я, по-прежнему полагала, что меня разыгрывают, но появилась толика, придерживающаяся иного мнения. Во-первых, я держал в руках деньги. Семьдесят долларов чаевых за доставку пиццы набегало лишь за две недели, и то при условии, что заказов хватало. Но в основном меня убеждала манера разговора Шарптона. Чувствовалось, что он учился в колледже, и я говорю не про занюханый «Ширс рестаурайт колледж» в Ван Друсене. Да и потом, чего мне было бояться? После несчастного случая со Шкипером ни у одного человека на планете Земля не возникало желания причинить мне боль или обидеть. Ну оставалась, конечно, мамаша, но ее единственным оружием был язык... и уж

конечно, на такой розыгрыш ума бы у нее не хватило. Опять же она никогда в жизни не рассталась бы с семьюдесятью долларами. На которые могла сыграть в бинго.

- Этим вечером, - ответил он. - Собственно, прямо сейчас.

- Хорошо, почему нет? Подъезжайте. Полагаю, раз вы бросили конверт с десятками в щель для почтовой корреспонденции на моей двери, адрес мне диктовать не нужно.

- Не в вашем доме. Встретимся на автостоянке у «Супр Сэвра».

Желудок у меня ухнул вниз, как оборвавшаяся кабина лифта, и разговор сразу перестал быть забавным. Может, это какая-то ловушка... может, не обошлось и без копов. Я говорил себе, что о Шкипере узнать никто не мог, особенно копы, но Господи! Письмо было, Шкипер мог оставить его где угодно. По этому письму никто ничего бы не смог понять (кроме имени его сестры, Дебби, но в мире миллионы девушек с таким именем), как никто ничего не смог понять из того, что я написал на тротуаре около дома миссис Буковски... так я, во всяком случае, говорил себе до этого чертова звонка. Но кто мог это гарантировать? Вы ведь знаете, что говорят о нечистой совести? Я, конечно, тогда не чувствовал за собой вины за смерть Шкипера, но все-таки...

- «Супр Сэвр» - странное место для собеседования о приеме на работу, не так ли? Если учесть, что магазин закрыт с восьми часов вечера.

- Поэтому нам там будет удобно, Динк. Уединение в общественном месте. Я припаркуюсь около площадки для тележек. Автомобиль ты узнаешь без труда - большой серый «мерседес».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чинос – брюки особого покроя, пользуются популярностью у молодежи.

2

«Уизер» – современная популярная рок-группа. Выступает с 1992 г.

3

«Гэп» – сеть магазинов, продающих модную молодежную одежду.

4

«Стоуффер» – быстрозамороженные полуфабрикаты, изготавливаемые отделением «Стоуффер фудс» одноименной компании.

5

«Доул» – продукты питания, произведенные компанией «Доул фудс»

6

«Спэм» – мясная тушенка.

7

«Лемон пледж» – средство для ухода за мебелью.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/vse-predel-no>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)